

Андрей Лисунов,
кандидат
филологических
наук,
доцент
Литературного
института
им. А.М. Горького

Школьное изучение А.С. Пушкина традиционно предполагает обращение к биографии поэта. Мы предлагаем вашему вниманию новейшее исследование обстоятельств дуэли Пушкина.

1

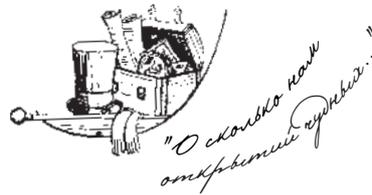
Судебное дело возбуждено было в день смерти поэта. Первое заседание комиссии военного суда состоялось 3 февраля и носило организационный характер. Судили поручика Кавалергардского Её Величества полка барона Геккерена, камергера двора Его Императорского Величества Пушкина и инженер-подполковника Данзаса «за произведённую первыми двумя между собою дуэль, а последнего за нахождение при оной секундантом».

Пушкин — камергер?! Ошибка или всё же затянувшаяся — лучше позже, чем никогда, — «милость» царя? Военные чины могли просто ошибиться, но вспомним, что Воейков заметил ту же «небрежность» и в указе царя о милостях семье поэта, где Пушкин был назван камергером. Выходит, и гражданские чины оплошали? Но камергер не иголка в стоге сена, а высокое придворное звание. Знак его носили на шее в виде ключа с голубой лентой, например, Жуковский и Вяземский. Трудно не заметить!

Пушкин, несомненно, стал бы камергером после успешного завершения «Истории Петра», но и как историограф империи он имел право на высокое звание. Возможно, что чиновники, готовившие указ царя, действовали по заведённому порядку, приводя в соответствие должность и звание «увольняемого» по смерти поэта. Царь мог пропустить несанкционированное повышение. Но вероятнее другое — звание камергера с самого начала присутствовало в перечне царских милостей семье поэта. Николай сознательно подписал указ и лишь затем пошёл на понятную. Почему? Об этом чуть позже. Царский указ ввёл в заблуждение членов военного суда, и они едва ли не до конца своего разбирательства продолжали величать поэта камергером.

Пока Военная комиссия занималась утверждением состава суда, следовательно Галахов тем же днём, 3 февраля, произвёл первый допрос Данзаса и Дантеса — последнего из-за ранения по месту его жительства. Кавалергард подтвердил самые общие сведения. Он дрался на пистолетах с камергером Пушкиным, ранил его в правый бок и сам был ранен в правую руку. Секундантами при дуэли были Данзас и виконт д'Аршиак. Кроме них о дуэли знал лишь нидерландский посланник барон Геккерен. Данзас ничего нового к этому не добавил.

5 февраля комиссия вынесла решение об освидетельствовании Дантеса, и в тот же день полковой военный врач Стефанович, осмотрев кавалергарда, нашёл, что, несмотря на ранение, «больной может ходить по комнате, разговарива-

ет свободно, ясно и удовлетворительно... имеет обыкновенную небольшую лихорадку, вообще же он кажется в хорошем и надёжном к выздоровлению состоянии». На следующий день Дантес вместе с Данзасом был вызван в суд.

Первым допрашивали Дантеса. Сначала он отвечал на протокольные вопросы: как зовут, сколько лет от роду, каким наукам и где обучался, какой веры, когда был принят на службу, чем отличился и проштрафился. Из ответов явствовало, что Георгий Барон Д. Геккерен, уроженец Кольмор-Альзаса, 25 лет, воспитанный во Французском королевском военном училище, веры римско-католической, у Святого причастия был 7 января этого года, в службу Его Императорского Величества поступил 8 февраля 1834 года, присягу давал только в верность службы, у родителей было недвижимое в Альзасе, штрафов не имел.

Затем был задан главный вопрос:

— Комиссия просит Вас сделать объяснение... за что у Вас с Пушкиным произошла ссора... не имеете ли Вы в доказательство Вашего объяснения сослаться на кого-либо из свидетелей или же на какие документы?¹

Дантес ответил на это перечнем хорошо известных фактов:

— Дуэль учинена мною... причина же, побудившая меня вызвать его (Пушкина. — А.Л.) на оную, следующая: в ноябре м-це 1836 года получил

я словесной и без причинной Камергера Пушкина вызов на дуэль, которой мною был принят; спустя некоторое время камергер Пушкин без всякого со мною объяснения словесно просил Нидерландского посланника Барона Д. Геккерена передать мне, что вызов свой он уничтожает, на что я не мог согласиться потому, что, приняв без причинной вызов его на дуэль, полагал, что честь моя не позволяет мне отозваться от данного ему мною слова; тогда камергер Пушкин по требованию моему назначенному с моей стороны секунданту, находящемуся при Французском посольстве, гр. д'Аршиаку дал письмо, в коем объяснял, что он ошибся в поведении моём и что он более ещё находит оное благородным и во все не оскорбительным для его чести, что соглашался повторить и словесно, с того дня я не имел с ним никаких сношений, кроме учтивостей. Генваря 26-го Нидерландский посланник Барон Геккерен получил от камергера Пушкина оскорбительное письмо, касающееся до моей чести, которое якобы он не адресовал на моё имя единственно потому, что читает меня подлецом и слишком низким. Всё сие может подтвердиться письмами, находящимися у Его Императорского Величества»².

Из расплывчатого монолога Дантеса видно, что Геккерены решили прибегнуть к тактике, уже оправдавшей себя в ноябре: не говоря лишнего, представляясь наивными и обескураженными, они как будто добровольно отдавали инициативу в руки противника, в данном случае — судьям, ожидания с их стороны ошибки или неосторожного шага. Отступали Геккерены не беспорядочно, а за спины авторитетных и влиятельных лиц. Даже имя царя, упомянутое к месту, создавало впечатление об их особом отношении с властью.

На последний вопрос — знал ли кто ещё о дуэли между ним и Пушкиным — Дантес неожиданно «вспомнил» о Вяземском:

— К сему присовокуплю, что реляция всего учинённого нами дуэля вручена вышеупомянутым секундантом моим при отъезде его из С.-Штербургга камергеру князю Вяземскому, которой до получения оной о имеющей быть между нами дуэли ничего не знал.

С какою целью Дантес произнёс имя Вяземского, если тот, по его же словам, никакого отношения к дуэли не имел? Вероятно, по той же причине — ближайший друг поэта должен был подтвер-

¹ Дуэль Пушкина с Дантесом-Геккереном: Подлинное Военно-судное дело 1837 г. Спб., 1900. С. 42–43.

² Там же.

Les Grands Croix Commandeurs et Chevaliers du Sérénissime Ordre des Locux réunis en grand Chapitre sous la présidence du vénérable grand-Maître de l'Ordre, S. E. U. L. Narychkine, ont nommé à l'unanimité Mr Alexandre Pouchkine coadjuteur du grand Maître de l'Ordre des Locux et historiographe de l'Ordre.
Le secrétaire perpétuel: C. J. Borck

Пасквиль, присланный графу М.Ю. Вильегорскому

дить, что поведение Дантеса не выходило за рамки приличия. Была ли у них об этом предварительная договорённость — не хочется даже думать! В любом случае Вяземский поступил так, как этого хотели Геккерены.

8 февраля князя вызвали в суд и задали прямой вопрос:

— Неизвестно ли вам, за что именно произошла между камергером Пушкиным и поручиком бароном Д. Геккереном ссора?

И попросили объяснить всё как можно подробнее.

Вяземский понёс окоlesiцу, что реляции, о которой говорил Дантес, у него нет, а есть известное письмо Аршиака «с изложением случившегося» (что одно и то же. — *А.Л.*). Объяснил, как и с какой целью оно попало к нему в руки. А вот на вопрос, способный прояснить существо дела, ответил с поразительной для него скромностью:

— Не слышал я никогда ни от Александра Сергеевича Пушкина, ни от барона Геккерена о причинах, имевших последствием сие несчастное происшествие...

Вот и всё. Умыл руки. Надо ли говорить, в каком виде предстал вызов поэта после заявления Вяземского — ведь в уголовных делах немотивированная агрессия всегда рассматривалась как тяжкое преступление! И ни одного слова в защиту друга! Ни тебе упоминания об анонимке, ни ноты осуждения в назойливом поведении кавалергарда — ничего такого, что хоть как-то оправдало бы поведение Пушкина?

Защитить поэта пришлось Данзасу, но его показания не имели особой ценности, поскольку участие подполковника в деле было кратковременным и явно случайным. Заметим, Провидение распорядилось так, чтобы Вяземский не застал последней минуты жизни поэта: в момент агонии друга князь «отлучился по делам департамента». Потом, как бы навёрстывая упущенное, он театрально падал у гроба Пушкина и, наконец, придумал положить в гроб перчатку, чем привлёк к себе внимание и вызвал разговоры о масонских корнях своего поступка. Лишний повод говорить о существовании тайной русской партии! Во время суда Вяземский, похоже, тоже стремился «по делам департамента», поскольку всю оставшуюся жизнь изображал ритуальное раскаяние при каждом упоминании имени поэта!

Конечно, Геккерены были в курсе городских сплетен. Более того, кто-то из их высокопоставленных покровителей — вероятно, Нессельроде — показал посланнику анонимку — ту самую, что поэт передал царю в ноябре. Тогда, 1 февраля, и появился «воровской документ», в котором Геккерен на всякий случай объяснял Дантесу, как выглядит насквиль. Так что у кавалергарда было время поразмыслить над ответом. Он не допустил оплошности — сказал, как отрезал:

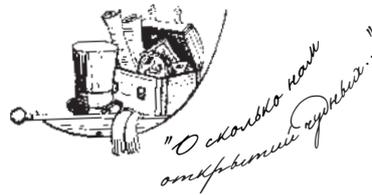
«Мне неизвестно, кто писал к г. Пушкину безыменные письма в ноябре месяце и после того, кто виновники оного, слухов нелепых, касающихся до чести жены его, я никаких не распространял, а не согласен с тем, что я уклонился от дуэли предложением моим жениться на его свояченице; что даже подтверждает письмо г. Пушкина к графу Даршиаку ...что же касается до моего обращения с г-жою Пушкиной, не имея никаких условий для семейных наших сношений, я думал, что был в обязанности кланяться и говорить с нею при встрече в обществе, как и с другими дамами, тем более что муж прислал её ко мне в дом на мою свадьбу: что, по мнению моему, вовсе не означало, что все наши сношения должны были прекратиться. К тому ещё присовокупляю, что обращение моё с нею заключалось в одних только учтивостях точно так, как выше сказано, и не могло дать повода к усилению поносительного для чести обоих слухов и написать 26 генваря письмо к нидерландскому посланнику»⁸.

Опровергнуть или подтвердить показания Дантеса мог только один человек — Наталья Николаевна Пушкина. Члены суда ничего не знали о семейной жизни поэта, а конфликт всё же произошёл между родственниками. Аудитор Маслов, следивший за соблюдением юридических формальностей, в рапорте от 14 февраля дал знать, что «считал бы не излишним потребовать... от жены камергера Пушкина объяснение в том именно:

— не известно ли ей, какие именно безымянные письма получил покойный муж её...

— какие подсудимый Геккерен ...писал к ней, Пушкиной, письма или записки, кои покойный муж её в письме к барону Геккерену от 26 генваря называет дурачеством; где все сии бумаги ныне находятся, равно и то письмо, полученное Пушкиным от неизвестного ещё в ноябре месяце...

— из письма умершего подсудимого Пушкина видно, что посланник барон Геккерен ...говорил жене Пушкиной, что сын его умирает от любви к ней и шептал возвратить ему его, а после уже свадьбы

Геккерена... дерзким обхождением с женою его при встречах в публике давали повод к усилению поносительного для чести их Пушкиных мнения?»⁴.

Каждый из этих вопросов попадал, что называется, не в бровь, а в глаз и мог многое прояснить, вернуть суд в плоскость юридических решений, избавив его от необходимости путаться в шлейфе сплетен и поверхностных суждений. Но комиссия приняла довольно странное решение: «...слушав вышеизложенный рапорт Аудитора Маслова об истребовании некоторых объяснений от вдовы камергерши Пушкиной, которые комиссия имела в виду при слушании дела, но дабы требованием оных не расстроить её, определила рапорт Аудитора Маслова приобщить к делу», но расследования не проводить⁵.

Суд не хотел «расстроить» Наталью Николаевну! Объяснение странное, неубедительное. Оно только подчёркивало, что суд находился под давлением самых влиятельных сил и не ставил себе задачу разобраться в существе дела.

16 февраля в комиссию был доставлен документ, найденный после смерти Пушкина, — утренняя переписка с Аршиаком, который подтверждал, что Данзас оказался случайно втянутым в дуэльную историю. Это, с одной стороны, усиливало доверие к показаниям Данзаса, а с другой — ставило под сомнение его осведомлённость по делу. Но судьи предпочли на последнее не обращать внимание. На основании проведённого расследования была составлена Сентенция, суть которой состояла в следующем:

«По указу Его Императорского Величества комиссия военного суда...находит следующее: между подсудимыми камергером Пушкиным и поручиком бароном Д. Геккереном с давнего времени происходили семейные неприятности, так что ещё в ноябре месяце прошлого года первый из них вызывал последнего на дуэль, которая, однако, не состоялась.

Наконец Пушкин 26-го января сего года послал к отцу Подсудимого Геккерена министру нидерландского двора барону Геккерену письмо, наполненное поносительными и обидными словами. ...Министр нидерландский барон Геккерен, будучи оскорблён помещёнными в сем письме изысканными словами, того ж числа написал от себя к Пушкину письмо с выражениями, показывающими прямую готовность к мщению, для исполнения коего избрал сына своего подсудимого поручика барона Геккерена, который на том же сделал собственноручную одобрительную надпись. Письмо сие передано было Пушкину чрез находящегося при французском посольстве графа д'Аршиака, кото-

рый настоятельно требовал удовлетворения оскорблённой чести баронов Геккеренов. По изъявленному на сие Пушкиным согласно, назначена между ним и подсудимым Геккереном дуэль, в коей секундантами или посредниками избраны были со стороны Пушкина инженер подполковник Данзас, а от Геккерена помянутый граф д'Аршиак, выехавший, уже как из дела видно, за границу. Дуэлисты и секунданта по условию 27-го января в 4 часа вечера прибыли на место назначения, лежащее по Выборгскому тракту за комендантскою дачею в рощу. Между секундантами положено было стреляться соперникам на пистолетах в расстоянии 20 шагов, так чтобы каждый имел право подойти к барьеру на 5 шагов и стрелять по сопернику, не ожидая очереди. После сего секунданта, зарядив по паре пистолетов, отдали по одному из них противникам, которые по сделанному знаку тотчас начали сходитьсь: первый выстрелил Геккерен и ранил Пушкина так, что сей упал, но несмотря на сие, Пушкин, переменяв пистолет, который засорился снегом, другим, в свою очередь тоже произвёл выстрел и ранил Геккерена, но неопасно.

...Комиссия военного суда, соображая всё вышеизложенное, подтверждённое собственным признанием подсудимого поручика барона Геккерена находить как его, так и камергера Пушкина виновными в произведении строжайше запрещённого законами поединка, а Геккерена и в причинении пистолетных выстрелов Пушкину раны, от коей он умер, приговорила подсудимого поручика Геккерена за таковое преступное действие по силе 139 артикула воинского Сухопутного устава и других под выпискою подведённых законов повесить, каковому наказанию подлежал бы и подсудимый камергер Пушкин, но как он уже умер, то суждение его за смертию прекратить, а подсудимого подполковника Данзаса ...по силе 140 воинского артикула повесить»⁶.

Отдельно были заслушаны и запротоколированы мнения командиров Дантеса и Данзаса, в которых они с большей непосредственностью и живостью определяли своё отношение к дуэльной истории. Командир Кавалергардского полка генерал-майора Гринвальда писал:

«... подсудимый поручик барон Д. Геккерен в опровержение взведённого на него Пушкиным подозрения относительно оскорбления чести жены его никаких доказательств к оправданию своему представить не мог, равномерно за смертию Пушкина и судом не

⁵

Там же. С. 103.

⁶

Там же. С. 105–107.

открыто прямой причины, побудившей Пушкина подозревать барона Д. Геккерена в нарушении семейного спокойствия; но между прочим из ответов самого подсудимого барона Д. Геккерена видно, что он к жене покойного Пушкина, прежде нежели быть женихом, посылал довольно часто книги и театральные билеты при коротких записках, в числе оных были такие

Жорж Шарль (Геккерен)

(как он сознаётся), коих выражения могли возбудить Пушкина счеотливость как мужа. Я, соображая вышеписанное, нахожу, что последнее сознание поручика барона Д. Геккерена есть уже причина, побудившая Пушкина иметь к нему подозрение, и, вероятно, обстоятельство сие заставило Пушкина очертить барона Д. Геккерена в Письме к отцу его нидерландскому посланнику барону Д. Геккерену»⁷.

Командующий 1-й гвардейской кирасирской бригадой генерал-майор Мейендорф хотя и высказался ещё более категорично, всё же заступился за участников дуэли:

«...я нахожу виновным Геккерена в произведении с Пушкиным дуэли, в причинении ему самой смерти, за что он по строгости воинского Сухопутного устава артикула 139 подлежит и сам смерти, но, соображаясь с милосердием Государя Императора ко всем впадшим в преступление, я полагал бы достаточным, лишив его чинов и Дворянства, разжаловать в рядовые без выслуги и потом определить в Кавказский Отдельный Корпус. Подсудимый же подполковник Данзас, судя по важности дела, в которое он вмешался, справедливо заслуживал бы понести определённое вышеизъясненным законом наказание, но принимая во уважение, что он вовлечён был в сие сколько из уважения к Пушкину, с коим по собственному его чистосердечному пред судом объяснению, видно, имел товарищество и дружбу с детства, также то, что он прежде служил беспорочно, был в походах и получил рану, я полагал бы выдержать в крепости в каземате шесть месяцев»⁸.

⁷ Там же. С. 6–7.

⁸ Там же. С. 7.

Детально, в протокольной форме, выразил своё мнение начальник гвардейской кирасирской дивизии генерал-адъютант Апраксин:

«...я нахожу, что ...по соображению следственного дела, равно документов и ответных пунктов подсудимых открывается:

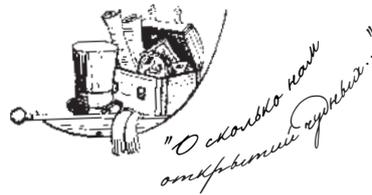
— 1-е, что ещё в ноябре месяце 1836 года камергер Пушкин, считая себя обиженным дерзким обращением с его женою поручика барона Геккерена, вызвал его на поединок; вызов этот был принят Геккереном, но Пушкин, узнав о намерении Геккерена жениться на его свояченице Девиге Гончаровой, сам от такового поединка письменно отказался. Подсудимый барон Геккерен показывает, что этот вызов был без причины, но в ответах своих сам сознаётся, что некоторые из его коротких писем к жене Пушкина, писанные при доставлении к ней книг или театральные билеты, могли возбудить его счеотливость как мужа, следовательно, не отклоняет ничем подозрений Пушкина.

— 2-е, по показанию барона Геккерена с этаго самого дня прерваны были между ими все сношения, кроме учтивости, по показанию же подполковника Данзаса оказывается, что Пушкин объяснял при нём графу д'Аршиаку, что Геккерен даже после своей свадьбы не престаивал дерзким обхождением с женою его, с которою встречался только в обществе, давая повод к усилению мнения поносительно как для чести Пушкина, так и жены его. Для приведения сего в ясность, следовало бы спросить удостоверительных сведений у жены камергера Пушкина, но как сего военно-судною комиссиею не сделано, то сие остаётся на усмотрение начальства.

— 3-е, сверх того Пушкин имел подозрение на нидерландского посланника барона Д. Геккерена в сочинении полученных им обидных писем без подписи и в распространении слухов, касающихся до оскорбления чести жены его, он писал 26 числа прошлого генваря к нидерландскому посланнику письмо, коим, описывая неприличные поступки его сына, вместе с тем в обидных выражениях изъяснялся о самом посланнике. Следствием сего был вызов на дуэль со стороны поручика Геккерена.

— 4-е, самой поединок совершился 27 генваря, на коем камергер Пушкин получил смертельную рану в грудь, от которой после умер, а Геккерен слабо ранен в руку и теперь находится под арестом.

Соображая всё вышеизложенное, я нахожу Сентенцию военного суда... — казни виселицею — правильным; но соображаясь с Монаршим Государя

Императора милосердием, мнением моим полагаю: поручика барона Геккерена, лишив чинов и дворянства, разжаловать в рядовые впредь до отличной выслуги; а инженер-подполковника Данзаса ...продержать в крепости четыре месяца»⁹.

Следующим высказался командир гвардейского кавалерийского корпуса генерал-лейтенант Кнорринг. Он также нашёл, что «...судя по показанию Де-Геккерена... Есть основание к заключению, что Пушкин вызывал Де-Геккерена на поединок по подозрению его в дерзком обращении с его женою», что «Из показания инженер-подполковника Данзаса видно, ...что г.г. Геккерены (сын и отец посланник нидерландский) даже после оной свадьбы не представляли дерзким обращением с женою его в обществах давать повод к усилению мнения, поносительного для его чести и жены; сверх того присылаемы были к нему безымянные письма, относящиеся также к оскорблению чести, в присылке коих Пушкин также подозревал г.г. Де-Геккеренов»¹⁰.

Но всё вышеперечисленное, по его мнению, выглядело неубедительным, поскольку «...следствием и судом неоткрыто; и подсудимый Де-Геккерен в том не признался. Сама же г-жа Пушкина по сему предмету совсем не была спрошена».

Вслед за другими командирами он просил для Дантеса «разжаловать в рядовые до отличной выслуги», а для Данзаса «оштрафовать его содержанием в крепости четыре месяца».

Последним высказал своё мнение командующий отдельным гвардейским корпусом генерал-адъютант Бистром:

«...полагаю: поручика Геккерена, лишив чинов и заслуженного им Российского дворянского достоинства, определить на службу рядовым в войска Отдельного Кавказского корпуса впредь до отличной выслуги; предварительно же отправления его на Кавказ, выдержать в крепости в каземате шесть месяцев, так как относительно его нет в виду никаких заслуживающих снисхождения обстоятельств, ибо письмо камергера Пушкина к посланнику барону Геккерену, с выражениями весьма оскорбительными для чести обоих Геккеренов, при строгом восприятии дуэли, не могло давать право на таковое противозаконное самоуправие; впрочем, всякое рассуждение о сём письме, без объяснения Пушкина, было бы одностороннее, и в особенности если взять в соображение, что заключающаяся в том письме чрезвычайная дерзость не могла быть написана без чрезвычайной же причины, которая токмо слабо объясняется пока-

занием подполковника Данзаса и сознанием самого поручика Геккерена, что выражения его в записках к жене Пушкина могли возродить в сём последнем щекотливость как мужа»¹¹.

Бистром был прав — суд не обнаружил никаких доказательств вины Дантеса и его приёмного отца. Откровенность кавалергарда сыграла с ним злую шутку. Промолчи он, что в записочках содержались фразы, способные вызвать у Пушкина «щекотливость как мужа», — судьям и отцам-командирам не на чем было бы строить обвинение! Но, похоже, истина в этом деле никого не волновала. Отношение к кавалергарду уже было predeterminedено высочайшим повелением.

Когда аудиторский департамент решил разобраться с придворным званием Пушкина, на его запрос от 16 марта был получен отчёт, «что умерший 29-го прошедшего генваря титулярный советник Александр Пушкин состоял при Высочайшем Дворе в звании камер-юнкера»¹².

Составляя Существо дела, чиновник аудиторского департамента во многом повторял выписку суда, но в более юридически корректных и уточнённых выражениях. Например, относительно Натальи Николаевны здесь было сказано:

«Военно-судная Коммисия ...нашла дело довольно ясным, то дабы без причины не оскорбить г-жу Пушкину требованием изложенных в рапорте Аудитора Маслова объяснений, — определила: приобщив упомянутый рапорт к делу, привести оное к окончанию»¹³.

Нашла дело довольно ясным! Между тем в Сентенции суда и аудиторском Существо дела анонимка, как одна из причин дуэли, не была даже упомянута. Вся вина возлагалась на «семейные неприятности» и оскорбительное письмо Пушкина.

Константин Карлович Данзас

⁹ Там же. С. 8–9.

¹⁰ Там же. С. 10–11.

¹¹ Там же. С. 12.

¹² Там же. С. 116.

¹³ Там же. С. 131.

На этом можно было бы поставить точку, если бы не существовал ещё один странный документ — Определение Генерал-Аудиториата от 16 марта 1837 года. Начало его ничем не отличалось от документов суда — разве что чуть более изящным и эмоциональным изложением известных фактов:

Портрет А.С. Пушкина. Г. Райт. 1837

«Предшествовавшие сей дуэли неудовольствия между камер-юнкером Пушкиным и поручиком бароном Егором Геккереном возникли с довольно давнего времени. Поводом к сему, как дело показывает, было легкомысленное поведение барона Егора Геккерена, который оскорблял жену Пушкина своими преследованиями, клонившимися к нарушению семейственного спокойствия и святости прав

супружеских. В ноябре месяце прошлого 1836-го неудовольствия сии возросли до того, что Пушкин вызывал Геккерена на дуэль, однако ж после сам же уничтожил свой вызов, узнавши, как видно из письма его к чиновнику Французского Посольства Виконту Д'Аршиаку, что Геккерен решился жениться на свояченице его фрейлине Гончаровой».

Неожиданности начались, когда генерал-аудитор перешёл к описанию январских событий. Прежде всего, это касалось самой анонимки. О ней вдруг вспомнили! Её появлению, совсем как в одиозных записках Арановой, приписывалась роль рокового обстоятельства, приведшего к трагической развязке.

Вполне корректное юридическое описание существа дела было прервано серией фантастических замечаний, в основе которых лежала попытка объяснить заведомо «необъяснимое» поведение поэта:

«Хотя же подсудимый поручик

Геккерен... не сделал точного признания, отзываясь, что обращение его с женою Пушкина заключалось только в одних светских вежливостях; но таковое отрицательство не заслуживает уважения, ибо сам он, Геккерен, между прочим сознаётся, что, посылая довольно часто к жене Пушкина книги и театраль-

ные билеты, прилагал при том свои записки, которые заключали в себе такие выражения, кои могли возбудить щекотливость Пушкина как мужа».

Так мог рассуждать литератор, человек избыточного воображения, но генерал-аудитор Ноинский пошёл ещё дальше и как заядлый пушкинист стал откровенно передёргивать факты с одной целью — уничтожить противника поэта. Дантес говорил о своей учтивости после ноябрьского вызова, а Ноинский уличал его фактами доноябрьской жизни. Апофеозом же его размышлений стало выражение, естественное для любой пушкинской биографии, но не для судебного дела:

«...наконец и помещённые в письме Пушкина к отцу подсудимого министру барону Геккерену дерзкие оскорбительные выражения не могли быть написаны без важных причин, которые отчасти поясняются самым содержанием письма и объяснениями Пушкина в присутствии секундантов».

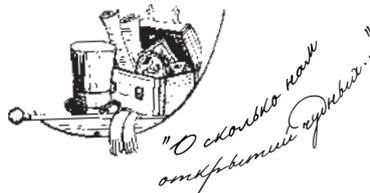
Конечно, Дантесу было за что обидеться на российское общество, хотя судили его по тем же светским законам, что и Пушкина. Судили-рядили, а не пытались установить истину. Для Дантеса генерал-аудитор потребовал сухо:

«Геккерена за вызов на дуэль и убийство на оной камер-юнкера Пушкина, лишив чинов и приобретённого им Российского дворянского достоинства, написать в рядовые, с определением на службу по назначению Инспекторского Департамента».

А вот для секунданта поэта нашлись гораздо более тёплые слова:

«Хотя он, Данзас, за поступки сии... подлежал бы лишению чинов, но Генерал-Аудиториат, усматривая из дела, что он вовлечён был в сие посредничество внезапно и, будучи с детства другом Пушкина, не имел сил отказать ему в принятии просимого участия; сверх того принимая во уважение немало-временную и усердную его службу и отличную нравственность, засвидетельствованную начальством, равно бытность в походах и многократных сражениях, полученную при штурме крепости Браилова рану пулею в левое плечо на вылет с раздроблением кости и заслуженные им храбростью знаки отличия, достаточным полагает: вменив ему, Данзасу, в наказание бытность под судом и арестом, выдержать сверх того под арестом в крепости на гауптвахте два месяца и после того обратиться по-прежнему на службу»¹⁴.

На такую адвокатскую услугу вряд ли мог бы рассчитывать малозаметный служака Данзас, если бы его делом не интересовались сильные мира сего.

18 марта на докладе генерал-аудитора появилась собственноручная запись Его Императорского Величества:

«Быть по сему, по рядового Геккерена, как нерусского подданного, выслать с жандармом за границу, отобрав офицерские патенты. Николай».

Досталось и приёмному отцу Дантеса. По многочисленным документам Геккерен прошёл как человек, который, «будучи вхож в дом Пушкина, старался склонить жену его к любовным интригам с своим сыном». Причём единственным основанием для этого обвинения было одно лишь ругательное письмо Пушкина. Никаких следственных действий на этот счёт предпринято не было. Вскоре и Геккерена отозвали из страны без положенной в таких случаях прощальной аудиенции.

Для царя эта трагедия была частью удачно разыгранной партии. С самого начала она не представляла для него никакой загадки. 4 февраля он писал великой герцогине Саксен-Веймарской Марии Павловне:

«Здесь нет ничего такого любопытного, о чём бы я мог тебе сообщить. Событием дня является трагическая смерть пресловутого (гор fameux) Пушкина, убитого на дуэли неким, чья вина была в том, что он, в числе многих других, находил жену Пушкина прекрасной, при том что она не была решительно ни в чём виновата.

Пушкин был другого мнения и оскорбил своего противника столь недостойным образом, что никакой иной исход дела был невозможен. По крайней мере, он умер христианином. Эта история наделала много шума, а так как люди всегда люди, истина, с которой ты не будешь спорить, размышление весьма глубокое, то болтали много; а я слушал — занятие, идущее впрок тому, кто умеет слушать. Вот единственное примечательное происшествие (фр.)»¹⁸.

Судебное разбирательство было ничем иным, как дозволением поданным формально «поболтать» и «поспорить». Царь наблюдал за происходящим «впрок», с высокомерием небожителя, обладающего истиной. Судьи терялись в догадках, а он уже заранее знал исход дела и предвкушал развязку. При этом он умело держал паузу — лицедействовал так, что даже родная дочь обманывалась в его подлинных чувствах.

Анонимку Геккерены не писали — это показало расследование Бенкендорфа, проведённое ещё до январских событий. Царь мог передать сведения в суд, но тогда светское мнение перекинулось бы на сторону Геккеренов и их выдворение оказалось бы под вопросом. К тем же непредсказуемым последст-

виям могло привести и появление в суде Натальи Николаевны, которая, без сомнения, подтвердила бы вполне сдержанное поведение Дантеса после женитьбы. А так члены суда, осведомлённые о настроении двора и вдохновлённые приступом народного возмущения, легко расправились с Геккеренами.

2

Но кто же тогда написал анонимный пасквиль — вопрос, которым уже более столетия задаются многие исследователи и почитатели таланта поэта! Способ появления этого документа и его содержание говорят о том, что автором его не был случайный человек. Он находился рядом с Пушкиным. Однако, как уже говорилось, ни Геккерены, ни Гагарин, никто другой из близких и дальних недоброжелателей поэта пасквиль не писал.

Несколько лет назад один из моих знакомых, владелец небольшого букинистического магазина и любитель русской словесности, зная, что я серьёзно занимаюсь историей литературы XIX века, принёс мне последнее прижизненное издание пушкинского «Онегина» 1837 года. Само по себе явление этой миниатюрной книги казалось чудом, но в ней хранился ещё и сложенный вдвое пожелтевший листок, который особенно заинтересовал моего знакомого. В нём было написано:

«У Обухова моста, о судьбах Промысла. П. говорил, что как бы он ни шутил с судьбой, судьба шутит злее. Составить мистификацию — на манер «диплома рога носца», припугнуть приятелей, которые не верили, что N (здесь было затёрто. — А.Л.) лезет к нему в душу и постель. Разослал в конвертах. А всё оказалось правдой — жена в слезах, приятели испуганы. Как им сказать, что всё шутка. Меня он пропустил, потому что я человек благоволения — и всё пойму».

Кто писал эти строки и о ком шла речь? Букинист считал, что ему посчастливилось найти записку Плетнёва с описанием его известной встречи с Пушкиным на Обуховом мосту. Я не смог ни разубедить, ни уверить его. Он ушёл, унося свой ценный груз, с тем чтобы вскоре покинуть страну, а я с тех пор стал временами возвращаться к его догадке и задаваться вопросом: возможно ли такое, чтобы поэт написал на себя анонимку? И какую:

¹⁸

Последний год жизни
Пушкина. М., 1988.
С. 603.

«Кавалеры первой степени, командоры и кавалеры светлейшего ордена рогоносцев, собравшись в Великом Капитуле под председательством достопочтенного великого магистра ордена, его превосходительства Д.Л. Нарышкина, единогласно избрали г-на Александра Пушкина коадьютором великого магистра ордена рогоносцев и историографом ордена. Непременный секретарь граф И. Борх».

Безусловно, в самом явлении анонимки не было ничего оригинального. Идею мистификации могли подсказать поэту распространившиеся в это время в свете похожие дипломы, которыми молодёжь задирала женатых мужчин.

Многое могла бы прояснить экспертиза. Казалось бы, чего проще — взять и сравнить почерки поэта и автора анонимки! Но и здесь были и остаются свои серьёзные трудности. Рукописи Пушкина охраняются тщательным образом. Чтобы получить их в работу, а тем более для передачи на экспертизу, надо предъявить веские основания, убедить сотрудников Пушкинского дома в продуманности такого шага, преодолеть инерцию мышления — ведь речь

идёт всё же об обвинении поэта. Здесь двумя словами не обойдёшься — нужна целая книга, а возможно, и апелляция к общественному мнению.

¹⁶
Щёголев П.Е. Дуэль и смерть Пушкина. М., 1987. С. 372.

Но и это ещё не всё: потребуется привлечение ведущих специалистов разных государственных и частных институтов. Одному человеку такое дело не осилить. Хорошо известно, чем заканчиваются частные расследования — взять хотя бы «экспертизу» Щёголева. Когда чего-то очень хочется, невольно идёшь на упрощения и подтасовку фактов. Пусть специальным анализом занимаются свежие головы!

¹⁷
Там же. С. 373.

А для начала обратимся к результатам последнего исследования, проведённого Всесоюзным научно-исследовательским институтом судебных экспертиз.

В нём содержатся довольно неожиданные и особенно интересные для нашего случая замечания — в частности, в нём утверждается, что оба сохранившихся диплома, в том числе и адрес, написаны были одним лицом, человеком светского круга, но не французом, кроме того, составителем и исполнителем «диплома», вероятнее всего, был один и тот же человек.

Всё это очень подходит Пушкину: он был светским человеком, хорошо знавшим французский язык и способным из-за невнимательности допус-

кать ошибки. И росчерк в конце обеих копий — в каждом из них разный — любимый пушкинский способ завершать рукопись. И уж если следовать этой мысли, то только поэту из всего круга подозреваемых лиц было безопасно выступать одновременно и составителем, и распространителем этого скандального документа!

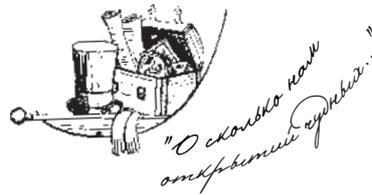
Как же могла работать мысль Пушкина? Решил ли он просто развеселить друзей своей «находкой» или намеренно готовил им испытание — ведь интересно же понаблюдать за поведением «благонамеренных» Вяземских и Карамзиных в щекотливой ситуации — вопрос, которому, вероятно, суждено остаться без ответа? Ясно одно, что для Пушкина, находившегося в сложном двусмысленном положении, шутка, даже столь сомнительная и тяжеловесная, могла послужить своеобразной отдушиной и поводом для откровенного объяснения с друзьями, которые старательно делали вид, что ничего особенного с поэтом не происходит.

Пушкин, конечно, говорил им о своих финансовых затруднениях, о том, что небольшое жалование не позволяет ему сосредоточиться на написании одной «Истории Петра», и в то же время исторические занятия мешают доходному литературному труду. Но друзья Пушкина знали и человеческие слабости поэта. Вероятно, они советовали ему вести себя скромнее, исполнять придворные обязанности и тем добиваться милостей от царя, в том числе и материальных. Однако у подобного смирения была и обратная сторона.

Об этом Пушкин говорил Нащокину, утверждая, «что царь, как офицеринка, ухаживает за его женою...»¹⁶. И сам Николай в беседе с Корфом вспоминал подобные слова поэта: «...признаюсь откровенно, я и вас самих подозревал в ухаживании за моей женою»¹⁷.

Кроме того, существовала опасность и другого рода, сегодня почти невозможная. Дело в том, что внимание царя к замужней женщине в те времена не только не осуждалось, а, наоборот, воспринималось обществом и супругами избранниц как своего рода «награда», сулящая им скорую карьеру и почести, а семье процветание:

«Особа, привлекая внимание божества, попадает под наблюдение, под надзор. Предупреждают супруга, если она замужем; родителей, если она девушка, — о чести, которая им выпала. Нет примеров, чтобы это отличие было принято иначе, как с изъявлением почтительнейшей признательности. Равным образом нет ещё примеров, чтобы обесчещен-

ные мужья или отцы не извлекали прибыли из своего бесчестья»¹⁸.

Как это ни странно прозвучит сегодня, но «намёк на царя», содержащийся в анонимке, несколько не унижал достоинства поэта как светского человека. Складывалась парадоксальная ситуация — пасквильянт, если предположить, что он был посторонним лицом, принадлежавшим светскому обществу, — о чём говорит знание им французского языка, — вовсе не стремился обидеть поэта. Самое большое, чего он мог достигнуть, — это потешить себя иронией. Не случайно в обществе считали, что анонимка прямо или косвенно указывала на фигуру Дантеса, поскольку в противном случае поведение поэта не имело объяснения. Никто даже не упоминал имени Николая, на которого в действительности указывала анонимка — и не только по незнанию её подлинного текста, но и потому, что в голову не приходила мысль, будто Пушкин может обидеться на это.

Конечно, поэту одинаково была противна мысль о венценосном и кавалергардском «внимании». Он не искал себе заместителя (коадьютора. — *А.Л.*) в чём бы то ни было. Но над «царской милостью» действительно можно было иронизировать, как иронизирует любой человек, достигший вершины, которая многим кажется пределом мечтаний и местом невероятных удовольствий, а на самом деле оказывается золотой иглой, наполненной опасным ядом.

Мы привыкли воспринимать диплом не только как орудие интриги, направленной против поэта, но и как единственный документ, безоговорочно оправдывающий смертельный выбор Пушкина. Лишиться такого документа нам кажется невозможным. Писать анонимку на самого себя — занятие хоть и не глупое, но всё же неблагоприятное.

Между тем Пушкин если и писал, то вовсе не анонимку, а полный иронии «шутливый диплом» и распространял его не среди незнакомых людей, а в дружеском кругу. А значит, для скандала этот документ не предназначался. Во всяком случае, наличие двух имён в «пасквиле» — Нарышкина и Борха — заставляет так думать.

Скандалная репутация четы Борх была известна всему светскому Петербургу и, без сомнения, не раз подвергалась насмешкам в карамзинском кружке. И надо же случиться, что, выезжая на дуэль, поэт и Данзас встретили карету графа! Пушкин сказал другу: «Вот две образцовые семьи (фр.), — и, заметя, что Данзас не вдруг понял это, прибавил: — Ведь жена живёт с кучером, а муж, — с фореитором»¹⁹.

Друг поэта, не посещавший великосветских салонов, всё равно ничего не понял: что за мысли перед смертельной схваткой?! А вот любой член карамзинского кружка живо отреагировал бы на шутку! Только зачем поэт заговорил о человеке, подписавшем «диплом рогоносцев», не показалось ли ему эта случайная встреча напоминанием Провидения о неудачной мистификации, с которой начался путь на Чёрную речку?! Бывают странные сближенья...

История с Нарышкиным, составившая содержание «диплома», была более серьёзной и по теме, и по смыслу. С «историей» Борха её объединяло лишь одно, но очень важное свойство — она могла интересовать только определённый круг лиц, связанных с литературой. Александр I оригинально платил своему подданному за «пользование» его женой. Рассказывали, что Нарышкин приносил царю красивую книгу в переплёте. Царь, развернув книгу, находил там чек в несколько сот тысяч, будто на издание повести, и подписывал его. Таким образом, пасквиль намекал, что и камер-юнкерство, и суды, и звание «историографа» — всё это оплачено Пушкиным той же ценою, что и благоденствие Нарышкина²⁰. Согласимся, тонкая аллюзия, но, чтобы понять её, надо было, как минимум, принадлежать к литературной среде, а как максимум — входить в литературный салон Софьи Карамзиной!

Только при чём здесь чета Борх? Его, живущего с фореитором, разве волновали измены жены? Подпись Борха могла бы оскорбить Геккеренов, увлечённых друг другом. Но если думать, что диплом писался с намерением серьёзно оскорбить поэта, то явление Борха, даже с намёком на дальние родственные связи его жены с Натальей Николаевной²¹, выглядело лишней, противоречащей основному содержанию пасквиля подробностью. И наоборот, если предположить, что диплом содержал самоиронию, то упоминание о Борхе оказывалось к месту: оно сигнализировало о «двусмысленном», шутливом характере документа. Сама ситуация, когда в компании рогоносцев секретарём работает гомосексуалист, напоминает анекдот!

Мысль подписать «диплом» именем Борха пришла к Пушкину, вероятно, вместе с идеей разослать мистификацию. Как привлечь внимание друзей на своё бедственное положение, как преподнести шут-

¹⁸ Там же. С. 370.

¹⁹ Там же. С. 378.

²⁰ Последний год жизни Пушкина. М., 1988. С. 309.

²¹ Она была дочерью В.И. Гольнского от брака его с Л.И. Гончаровой — внучки основателя фамилии Гончаровых — Афанасия Абрамовича.

ку, отделив розыгрыш от провокации? Ну, конечно, — заверить диплом «рукой» известного в карамзинском кружке «аста». К сожалению, друзья поэта на это не обратили внимание! Для них «история Нарышкина» оказалась важнее «истории Борха»! Выходит, Пушкин оправданно подозревал друзей в показной морали?!

Закономерен вопрос: а был ли поэт склонен к подобным сочинениям? И тут самое время вспомнить мистификацию, написанную поэтом незадолго до смерти — 8 января 1837 года. Тогда «в оборот» попал сам Вольтер. И хотя не существовало никакого

²² Дюлиса и философ не получал вызов на дуэль, «случайно найденное письмо» позволило Пушкину говорить о важном для него способе «заступиться за честь своего отечества».

Пушкин и его современники. Вып. 1–39. СПб.: Л., 1903–1930. Вып. 13. С. 47.

При стеснённых обстоятельствах поэт мог пойти и на более радикальные меры — подделать, например, официальную бумагу. В архиве Пушкина хранится подорожная, выданная двум крестьянам якобы его соседкой по имени — Осиповой. В своё время Л.Б. Модзалевский сделал ошеломляющее открытие, что билет с начала до конца был написан Пушкиным, который под видом голубоглазого тёмно-русого двадцатидевятилетнего крепостного Хохлова Алексея хотел в начале декабря 1825 года пробраться в Петербург. Домбровский, знакомясь с этим документом, удивлялся мастерству поэта.

Рукою Пушкина. М.; Л., 1935. С. 375.

²⁴ Стало быть, поэт в своём стремлении добиться чего-нибудь или отстоять принципиальную позицию не испытывал затруднений с выбором литературных и графических форм! Но вернёмся к анонимке.

К.О. Россет. Русский архив. 1865.

²⁶ Можно ли думать, что текст «диплома» по стилю принадлежит руке Пушкина? Вполне. Посмотрим запись «Из Протокола лицейской годовщины» от 19 октября 1828 г.:

Ободовская И.М., Дементьев М.А. Вокруг Пушкина. М., 1978. С. 241.

²⁷ «Собрались на пепелище скотобратца курнофеуса Тыркова / по прозвищу кирпичного бруса / 8 человек скотобратцев (...) а пели... 1) и завидели на дворе час первый и стражу вторую, скотобратцы разошлись, пожелав доброго пути воспитаннику императорского лица Пушкину — Французу иже написасию грамоту»²³.

Там же. С. 249.

Спустя восемь лет, в последнюю свою лицейскую годовщину, Пушкин начинал вести протокол в той же манере, весьма напоминающей текст «диплома»: «Собрались выше упомянутые Господа лицейские в доме у Яковлева и пировали следующим образом...»²³

Традиционно центральное место в поисках анонимщика занимает так называемая вещественная деталь — особый сорт бумаги, на которой якобы были написаны копии диплома. Мысль эту подсказал властям сам Пушкин в письме к Бенкендорфу. Позже, стараниями исследователей, она приняла стройный вид формулы, согласно которой поэт узнал от друга Яковлева, что бумага иностранная и по высокой пошлине, наложенной на такую бумагу, должна принадлежать какому-нибудь посольству. Подозрение пало на И.С. Гагарина как раз потому, что он служил в дипломатической миссии. Правда, сам Гагарин легко отвёл обвинение, но его довод никто не стал слушать, поскольку он разрушал «красоту» формулы:

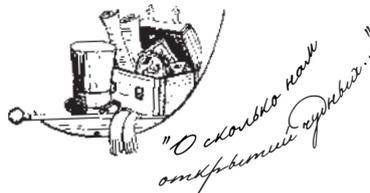
«... я действительно приметил, что письмо, показанное мне К.О.Р.²⁴, было писано на бумаге, подобной той, которую я употреблял. Но это ровно ничего не значит: на этой бумаге не было никаких особенных знаков, ни герба, ни литер. Эту бумагу не нарочно для меня делали: я её покупал, сколько могу припомнить, в английском магазине и, вероятно, половина Петербурга покупала тут бумагу».²⁵

И тут нелишне напомнить другой не менее известный, хотя и не учтённый в дуэльной истории факт, что брат Натальи Николаевны, Дмитрий, как раз и занимался производством подобного рода бумаги и, в счёт приданого сестры, снабжал ею поэта²⁶.

К ноябрю заказ поэта был выполнен. Об этом говорит ранее приведённое письмо Е.Н. Гончаровой от 9 ноября: «Вот, сударь мой братец, какая бумага замечательная, и тебе бы надо для каждой из нас такой изготовить с такими же штемпелями, а также и меньшего формата для записок»²⁷.

Выходит, дорогая почтовая бумага была в доме Пушкина! Вероятно, она произвела впечатление не только на сестру Натальи Николаевны. Возможно, поэт и сам на какое-то время был заворожён ослепительной белизной бумаги и сознательно использовал её, чтобы «ослепить» друзей!

У поэта был скверный почерк. Ему не надо было специально коверкать его. Копии он переписывал печатными буквами — так было и понятнее, и не сразу выдавало пушкинскую руку. Но сам доку-

мент, как уже говорилось, поэт составил так, что на спокойную голову легко угадывался автор.

Кроме того, надпись на конверте с дипломом он написал прописью: «Александру Сергеичу Пушкину». И запечатал его оригинальной печаткой с монограммой «АР», которую, учитывая, что письмо написано по-французски, можно было прочесть как начальные буквы «Alexandre Pouchkine».

По мысли Соловьёва, после трагедии: «Для примирения с собою Пушкин мог отречься от мира, пойти куда-нибудь на Афон или он мог избрать более трудный путь невидимого смирения, чтобы искупить свой грех в той же среде, в которой его совершил и против которой был виноват своею нравственною немощью, своим недостойным уподоблением ничтожной толпе»²⁸.

Но это был бы не Пушкин. Всякий человек хорош на своём месте, но и на своём месте он не лишён греха. В России было много духовных людей, посвятивших свою жизнь монастырскому

труду. Пушкин — наше всё, а значит, в нём должны были отразиться и наши российские противоречия. Умница Никитенко записал в своём дневнике:

«Дня через три после отпевания Пушкина увезли тайком в его деревню. Жена моя возвращалась из Могилёва и на одной станции неподалёку от Петербурга увидела простую телегу, на телеге солому, под соломой гроб, обёрнутый рогожею. Три жандарма суетились на почтовом дворе, хлопотали о том, чтобы скорее перепрячь курьерских лошадей и скакать дальше с гробом.

— Что это такое? — спросила моя жена у одного из находившихся здесь крестьян.

— А бог его знает что! Вишь, какой-то Пушкин убит — и его мчат на почтовых в рогоже и соломе, прости господи — как собаку»²⁹.

²⁸

Соловьёв В.С.
Литературная критика.
М., 1990. С.202.

²⁹

Последний год жизни
Пушкина. М., 1988.
С. 586.

